

ПЕТРОГРАД... Ок-
тябрь 1917 года...
Ненастье.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

АЛЕКСЕЙ ЖИЛЬЦОВ — СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Сидя в автомобиле, который двигался в сторону Дворцовой площади, Алексей Жильцов, 22-летний секретарь полкового комитета, думал о своих сегодняшних встречах с Лениным.

Антонов - Овсенко, собранный, затаенный в черное и в черных перчатках, резким движением обернулся к Алексею, насмешкой сверкнули глаза:

— В последний раз содержательно вы поговорили с Ильичем, Алеша!

— Неужели это был Ленин? — переспросил Алексей.

— Не узнали?

— Не узнал. Просто удивительно...

— Что именно удивительно? — поинтересовался комиссар.

— Такой большой человек и умеет быть таким незаметным.

Антонов-Овсенко улыбнулся и промолчал...

Алексей четко вспомнил весь сегодняшний бурный день — от утреннего митинга в штабе Петроградского военного округа до этой ночной поездки к Антоновым-Овсенко к Дворцовой площади.

В Смольный он приехал к вечеру 25 октября...

Здесь он увидел человека в пальто с поднятым воротником, в кепке, спокойного, сосредоточенного. Это спокойствие и привлекало внимание Алексея. Так значит он не узнал Ленина!

В те горячие часы в Смольном Жильцов еще раз встретился с Лениным. И опять не узнал Ильича, что и вызвало насмешливую реплику Антонова-Овсенко...

Все это рассказывается мне без малого через полвека после исторической ночи штурма Зимнего. Но то, что я при этом чувствую, правильнее всего назвать «эффектом присутствия». Очевидно, потому, что рассказывает человек, владеющий даром захватывать образом воображение собеседника. Мы — в холле Московского Художественного театра. Мой собеседник — лауреат Государственной премии, народный артист РСФСР Алексей Васильевич Жильцов — тот самый двадцатидвухлетний солдат, который в ночь на 26 октября (7 ноября) 1917 года имел счастье видеть Ленина, беседовать с ним.

— Какой же он был тогда, Ленин? — спрашиваю я.

— Никакой рисовки — подлинная, мудрая простота. Ничто в Ленине не подавляло вас. С ним легко было разговаривать. Главное, все время чувствуете, что вы ему нужны. Понимаете? В самой большой занятости он с интересом относился не только к делу, с которым вы пришли, но и к вам, человеку, к вашей личности!.. Позже я наблю-

дал его у прямого провода, во время разговора с генералом Духоинным. Положение было не просто серьезное, а драматическое. Назревала угроза Петрограду, всему, что завоевала пролетарская революция. Ленин был спокоен. Тогда я увидел, какую школу борьбы прошел этот человек. Что еще? Еще он умел завоевывать людей. Стремительно и навсегда... Ему верили. За ним шли.

Не от того ли, первого, навек сохраненного впечатления от ленинской скромности и принципиальности, начался и характер самого Жильцова? Актер, режиссер, драматург, он преуспел во всем.

— Ролей я переиграл много, — рассказывает он. — Но думать о своей персоне в театре было некогда.

— Почему? — допытываюсь я.

Он начинает затрудняться в словах, когда речь заходит лично о нем. Приходится прибегать к свидетельству документов и товарищей по работе. В этих поисках я открыл достойную зависти жизнь в искусстве. В крови этого человека всегда бурлил Октябрь, и в каждом своем поступке Жильцов оставался рыцарски верен Октябрю.

22 апреля 1918 года он приехал в Москву с правом избрать для себя любое будущее. Говоря образно, Жильцов был в первом списке новой, советской интеллигенции. Его увлекли театральные студии, он получил признание и стал учеником выдающегося мастера театра Евгения Вахтангова.

После смерти Вахтангова Жильцов ушел во МХАТ, к Станиславскому. Его приняли радушно, поручили сразу же несколько ведущих ролей. Он с успехом играл Лопахина в чеховском «Вишневом саде» и Скалозуба в «Горе от ума». Казалось, здесь и развернуться актеру, играть да играть, вести репертуар, принимать заслуженные лавры. Но он сознательно ущемлял себя ради давно задуманного дела. К десятилетию Октября, сорок лет назад, Жильцов открыл Студию народно-героического революционного театра. Он ставил пьесы Неверова, первого советского драматурга. Ставил «Строй фронт!» Завалишина, «Короля» Юшкевича, «Пугачева» Тренева — спектакли, требующие большого дыхания.

Студия жила на одном энтузиазме, без средств и помещения. Она прожила так двенадцать лет,

создала более десяти спектаклей и сделала почти полторы тысячи выездов. Студия Жильцова дала советскому театру немало талантливых актеров.

Всей своей жизнью Алексей Жильцов опровергает понятие о том, что в жизни человек бывает одним, а на сцене, в театре — другим.

Вот отчего среди отличных его постановок на радио — поэма о революционной Волге, передачи о Пятницком, о Шалапине, «Жизнь прекрасна» и «Гимны любви» М. Горького и инсценированная Жильцовым эпопея Сергеева-Ценского «Преображение России». Ясно мне теперь, отчего он не смог забыть о переданном ему еще в двадцатые годы романе Зазубрина «Два мира». Это первый советский роман, написанный в окопах, в боях против Колчака. Ясно мне теперь, отчего он не смог забыть о переданном ему еще в двадцатые годы романе Зазубрина «Два мира». Это первый советский роман, написанный в окопах, в боях против Колчака. Ясно мне теперь, отчего он не смог забыть о переданном ему еще в двадцатые годы романе Зазубрина «Два мира». Это первый советский роман, написанный в окопах, в боях против Колчака.

Почти ежедневно он занят в спектаклях МХАТа СССР. В его сценической биографии свыше семидесяти ролей. Среди них — с успехом сыгранные роли из сокровищницы русской и советской драматургии: Клещ и Сатин в «На дне», Скалозуб в «Горе от ума», Наркис и Хлынов в «Горьчем сердце», Булычев и Павлин в «Егоре Булычове», Тетерев в «Мещанах» и другие.

— Сколько лет вы на сцене? — спрашиваю я, не скрывая удивления неслыханной его энергией.

— В этом сезоне сравняется пятьдесят, — говорит он так, словно это каких-нибудь пятнадцать.

И в этом тоже — жильцовская прочность духа, идущая от красивой и гордой судьбы, от верности одному пути, на котором музой для него была Россия, а судьей совести — Октябрь.

А. КРАВЦОВ.

А. ЖИЛЬЦОВ в спектаклях «На дне», «Бронепоезд 14-69» и «Мещане».

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА.

